

Социологическое наследие: документы, публикации

1991 г.

В.В. САПОВ

«ЗЫРЯНСКИЙ ПРОПОВЕДНИК»

«... Что бы ни случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениям? Моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни тяжела она была, — это самая высшая, самая прекрасная, самая чудесная ценность в этом мире. Превратить ее в служение долгу — вот еще одно чудо, способное сделать жизнь счастливой. В этом я также убежден. И наконец, я убежден, что ненависть, жестокость и несправедливость не могут и никогда не смогут построить на земле Царство Божие. К нему ведет лишь один путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не в молитве только, а прежде всего — в действии» [1, р. V]. В этих словах Питирима Сорокина сконцентрирован «конечный вывод мудрости земной», к которому он пришел в результате пережитого им опыта революции и гражданской войны в России. Эти слова стали своеобразным девизом всей его жизни, недаром он их, по крайней мере, трижды цитирует в разных своих книгах [1—3]. В предисловии к одной из них он рассказывает историю своего «катастрофического», если воспользоваться его же собственным термином, обращения.

«В 1918 г., — пишет здесь П.А. Сорокин, — правители коммунистической России объявили на меня охоту. В конце концов я был брошен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Ежедневно в течение шести недель я ожидал смерти и был свидетелем казни моих друзей и товарищей по заключению. В течение следующих четырех лет, пока я оставался в коммунистической России, мне довелось испытать многое; я был свидетелем беспредельного, душераздирающего ужаса от царящей повсюду жестокости, смерти и разрушения. И именно тогда я занес в свой дневник — в качестве „ума холодных наблюдений и сердца горестных замет“ — следующие строки...» [1, р. V].

Нравственный переворот, пережитый Сорокиным, по своей сути — тот же самый, который пережили в свое время авторы «Вех» (разумеется, с учетом как личных особенностей первоначального мировоззрения и индивидуального темперамента, так и обстоятельств времени и места). До революции и в короткую пору безграничных демократических свобод отношение П.А. Сорокина к «веховцам» и вообще к представителям русской религиозно-идеалистической философии было в лучшем случае ироничным. В статье «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство» он приводит дефиниции «национального» из сочинений С.Л. Франка. П.Б. Струве и Е.Н. Трубецкого. Все эти дефиниции он признает бессмысленными: «Читатель! Вы понимаете? — Я, каюсь, — нет. Я понимаю одно, что в эти фразы можно всунуть любое содержание: и Бога, и Сатану. Так пишут философы» [4, с. 2].

Теперь же, после пережитого нравственного переворота, Сорокину предстояло в конце концов занять место в одном ряду с ними.

Но «убеждения сердца» не сразу пришли в гармонию с «убеждениями ума». Еще и в 1920 г. П.А. Сорокин настаивал на требовании изгнать философию из области социологии [5, с. XI]. Зная теперь обстоятельства его жизни в эти годы (1918—1922), можно с большой долей вероятности утверждать, что Сорокин переживал тогда мучительный процесс внутреннего раздвоения. И если в автобиографии [3] он ни словом не упоминает о нем, — это вполне понятный результат мемуарной ретроспекции, пропускающей сквозь сито позднейшего и вполне сложившегося мировоззрения только окончательные

итоги и отсеивающей все промежуточные сомнения и колебания. Но есть немало документальных свидетельств о том, что эти сомнения и колебания существовали. Первая его статья, написанная в 1917 г. по поводу Февральской революции начиналась словами: «Давно желанное совершилось. Старая власть и старый порядок, сковывавшие жизнь великого народа по рукам и ногам, — пали» [6, с. 333]. Будучи секретарем Л.Ф. Керенского, П.А. Сорокин вскоре убедился, что страна приближается к пропасти; вместе с Ф.Ф. Ко-кошкиным он был сторонником «жестких» мер [7] и требовал от правительства их принятия [8, с. 110]. Большевистский переворот Сорокин воспринял как контрреволюцию: к власти, по его мнению, пришли «преторианцы» [9]. Но еще и «из стен каземата Петропавловской крепости» в январе 1918 г. он послал свое приветствие журналу «Русское богатство» (справлявшему свой 25-летний юбилей, оказавшийся одновременно и поминками, т.к. вскоре он был закрыт), которое заканчивалось оптимистической тирадой: «Как ни темна ночь, все же впереди огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут и великие идеалы свободы и социализма» [10, с. 306].

1918 год оказался самым бурным в жизни П.А. Сорокина. В плане научном он был исключительно непродуктивным; достаточно открыть любую библиографию Сорокина, чтобы убедиться: 1918 — пусто, нет даже ни одной рецензии (вышла, правда, статья в коллективном сборнике, но и она была написана годом раньше [11]).

Едва освободившись из Петропавловской крепости, Сорокин ввязался в архангельскую «авантюру». Есть сведения, что его прочили в состав нового правительства Северного края после свержения там власти большевиков [12, с. 109], но до Архангельска он не добрался и вместо министерского кресла угодил в застенки великоустюжской ЧК в лапы «сумасшедшего» комиссара Кедрова. Спасло его лишь «чудо»: спасла статья В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», написанная по поводу его знаменитого «отречения». В тексте этого документа есть слова, на которые следует обратить особое внимание. Отказываясь от звания члена Учредительного собрания и объявляя о своем выходе из партии эсеров, П.А. Сорокин объяснял свое решение так: «В силу чрезвычайной сложности современного внутреннего государственного положения, я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственность руководства и представительство народных масс» [13].

Трудно сказать, было ли «отречение» П.А. Сорокина с его стороны всего лишь «маневром», попыткой утопающего ухватиться за соломинку, или же было написано совершенно искренно, — наверное, здесь было и то, и другое. Но в любом случае этот документ нельзя расценить иначе, как свидетельство глубокого мировоззренческого кризиса, что в конце концов привело его к отказу от позитивистской веры в бесконечный «прогресс» и к призыву следовать «заветам Достоевского», т.е. ступить на «путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной» [14, с. 4].

Он еще много книг написал как бы «по инерции», как верный ученик своих учителей: М.М. Ковалевского и Е.В. де Роберти (чему в немалой степени способствовал его переезд в США, где почва для русской религиозно-идеалистической философии была гораздо менее благоприятной, чем, скажем, во Франции, и где она, тем более на английском языке, пожалуй, только и могла пробиться в «социологической» упаковке).

Жизнь и судьба П.А. Сорокина сложились так, что прошло почти 30 лет после его «обращения», прежде чем он смог вплотную приступить к разработке и пропаганде идей «творческого альтруизма». Конечно, эти идеи легко просматриваются во всех его позднейших трудах, даже если они посвящены весьма далеким от «любви» и «альтруизма» темам. Только с 1959 г., когда П.А. Сорокин по возрасту вышел на пенсию, он всецело посвятил себя работе в созданном им незадолго до этого Гарвардском центре по изучению творческого альтруизма. Известный в Америке филантроп Эли Лилли пожертвовал на нужды Центра более 100 тыс. долларов, и за короткое время Центр выпустил 12 томов научных трудов, в каждом из которых значительное место занимают работы самого П. А. Сорокина.

Сегодня, когда имя и труды П.А. Сорокина возвращаются на родину, следует, наверное, признать, что его работы, посвященные проблемам альтруизма и христианской любви,

являются самой ценной и самой нужной для нас частью его огромного научного наследия, потому что ни один народ в мире не нуждается сейчас в словах любви так, как нуждаемся мы.

... Когда 12 февраля 1968 г. в Винчестере скончался П.А. Сорокин, во всем мире было напечатано множество некрологов и посвященных ему статей. Наиболее точные слова о мировом значении «зырянского проповедника» [15] принадлежат, на мой взгляд, нашему соотечественнику В.Н. Ильину. «Питирим Александрович Сорокин, — писал Ильин, — создатель гегантской антигезы марксизму, все более и более начинающему встречать решительное сопротивление не только людей мысли и науки, но и просто рядовых грамотных и порядочных людей. Этим последним покойный профессор П.А. Сорокин представляет настоящий арсенал мощного и великолепно сконструированного духовного оружия против монструозной доктрины, разверзшейся как темный провал у ног новейшего человечества и его культуры.

Таких величин, как проф. П.А. Сорокин, очень мало. В Германии к ним надо причислить Вернера Зомбарта и Владислава Борткевича (бывшего профессора Петербургского университета), в России профессора П.И. Новгородцева и Б.П. Вышеславцева, П.Б. Струве, С.Л. Франка. И все. Франция вовсе не знает мощного противодействия марксизму и даже наклонна симпатизировать ему на вершинах своей науки и философии, не говоря уже о рядовой так наз. интеллигенции; другие страны, хотя и не столь захваченные этой язвой, все же совсем не отдают себе отчета в том, что на них надвигается, тоже занимают скорее позицию благожелательного нейтралитета в отношении марксизма и не знают достаточно мощного научно-идеологического противления ему. Важно отметить, что количественно и качественно антимарксистская мысль представлена в особенности русскими учеными и мыслителями. Самым сильным из них и следует а наши дни назвать... проф. П.А. Сорокина, очень характерного русско-американского ученого, воздвигшего против марксистского наводнения грандиозную плотину из творений столь же мощных по количеству, сколь и первоклассных по качеству. Все они, естественно, написаны на английском языке, но по своему религиозно-альтруистическому, глубоко христианскому духу, конечно, войдут, в свое время переведенные на русский язык, в сокровищницу русской социологической науки и социологической философии» [16, с. 120].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sorokin P.A.* The Ways and Power of Love. Chicago, 1967.
2. *Sorokin P.A.* Leaves from a Russian Diary. New York, 1924.
3. *Sorokin P.A.* A Long Journey. New Haven, Conn., 1963.
4. *Сорокин П.* Проблема социального равенства. Пг., 1917.
5. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика. Пг., 1920.
6. *Сорокин П.* Политическая программа Временного правительства // Ежемесячный журнал. 1917. N2—4.
7. *Сорокин П.* Пора вводить трудовую повинность // Воля народа. 1917. N 48: 2 июня.
8. *Станкевич* £ Воспоминания. 1914—1919 гг. Пг., 1926.
9. *Сорокин П.* Во власти преторианцев // Воля народа. 1917. N 157: 29 октября.
10. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1990.
11. Демократия и ее политические задачи. Сборник статей П. Сорокина, С. Маслова, М. Вишнякова, Н. Печерина. Пг.—М., 1918.
12. Красная книга ВЧК. Т 2. М., 1990.
13. "Отречение" Питирима Сорокина // Правда. 1918. 20 ноября.
14. *Сорокин П.* Заветы Достоевского // Артельное дело. 1921. N 17—20 (перепечатано в сб.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. М., 1990. С. 246—251.
15. *Сергеев Б.* Длинный путь (рец. на кн.: [3]) // Грани. 1965. N 57.
16. *Ильин В.Н.* Кончина профессора Питирима Сорокина (1889—1968) // Возрождение. 1968. N 195.